

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

КРИТИКА
И КРИТИКИ
В литературном
процессе
СИБИРИ
XIX—XX вв.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
Л. П. Якимова



НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

- ¹⁹ Потанин Г. Н. Роман и рассказ в Сибири // Литературное наследство Сибири. — Т. 7. — С. 237.
- ²⁰ Там же. — С. 238.
- ²¹ Ядринцев Н. М. Нравы далеких окраин и бойкие романисты // Там же. — Т. 5. — С. 106.
- ²² Потанин Г. Н. Роман и рассказ в Сибири // Там же. — Т. 7. — С. 220.
- ²³ Щедрин Н. О литературе. — М., 1952. — С. 491.
- ²⁴ Там же. — С. 493.
- ²⁵ Там же. — С. 494—495.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. — С. 496.
- ²⁸ Там же. — С. 496—497.
- ²⁹ Там же. — С. 498.
- ³⁰ Потанин Г. Н. Роман и рассказ в Сибири // Литературное наследство Сибири. — Т. 7. — С. 228.
- ³¹ Там же. — С. 230.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. — С. 232.
- ³⁴ Писарев Д. И. Собр. соч.: В 4 т. — М., 1956. — Т. 4. — С. 316.
- ³⁵ Потанин Г. Н. Роман и рассказ в Сибири // Литературное наследство Сибири. — Т. 7. — С. 232.
- ³⁶ Там же. — С. 229.
- ³⁷ Потанин Г. Н. Воспоминания // Там же. — Т. 6. — С. 49.
- ³⁸ Потанин Г. Н. Роман и рассказ в Сибири // Там же. — Т. 7. — С. 224.
- ³⁹ Там же. — С. 226.
- ⁴⁰ См.: Яновский И. Г. Н. Потанин — писатель, публицист и критик // Там же. — С. 13.
- ⁴¹ Литературное наследство Сибири. — Т. 5. — С. 116.
- ⁴² Там же. — Т. 7. — С. 256.
- ⁴³ Там же. — С. 257.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. — С. 49.

Ф. З. КАНУНОВА

О ЗНАЧЕНИИ ЭСТЕТИКИ И КРИТИКИ ПИСАТЕЛЕЙ-ДЕКАБРИСТОВ В РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРНОГО СОЗНАНИЯ СИБИРИ (А. БЕСТУЖЕВ, В. КЮХЕЛЬБЕКЕР)

На развитие литературы и литературно-критической мысли Сибири (30—40-е гг.) значительное воздействие оказали писатели-декабристы. Тем более, что виднейшие из них (А. Бестужев, В. Кюхельбекер) являлись активными участниками литературного движения 20-х гг., имели бога-

тый опыт журнальной, издательской, литературно-критической деятельности. Достаточно вспомнить альманахи «Полярная звезда» (издание А. Бестужева, К. Рыльева) — начало подлинно гражданской декабристской критики и альманах «Мнемозина» (издание В. Кюхельбекера, В. Одоевского) — начало философской критики и философской прозы. Естественно, что деятельность Бестужева и Кюхельбекера в ссылке, отмеченная высоким профессионализмом, широтой философско-эстетического взгляда на искусство, просветительским пафосом, не могла не оказать воздействие на развитие литературно-эстетической мысли Сибири, а следовательно, и на развитие самой литературы Сибири.

Как уже указывалось, сибирская ссылка способствовала развитию и укреплению объективных тенденций в эстетике и критике писателей-декабристов¹. Этому способствовали их философские и исторические воззрения. Широко известно, что среди плодотворных идей, которые принесли с собою романтики, проблемы истории народа, национальной культуры, национального характера, решаемые с романтико-идеалистических позиций, были на первом плане. Преодолевая нормативную условную античность, романтики обращались к истории народа, его обычаям, фольклору, чтобы на историческом материале обосновать романтическую диалектику, романтический историзм и романтическую концепцию искусства в целом. Большую роль в развитии исторических взглядов Бестужева и Кюхельбекера сыграли труды историков эпохи реставрации — О. Тьерри и Ф. Гизо, с одной стороны, и исследования И. Г. Гердера — с другой. Отрывки из произведений Гизо и Тьерри печатались и комментировались на страницах «Московского телеграфа», «Московского вестника». Через братьев Полевых Бестужев получил в отдельном издании «Письма по истории Франции» Тьерри² и серию книжек *Revue Francaise*³, журнал Гизо. В активной переписке с братьями Полевыми, которая завязалась уже на Кавказе, Бестужев утверждал, что во многих местах сходится с Тьерри⁴. С таким же интересом и одобрением относился Кюхельбекер к Гизо⁵. Отношение писателей-декабристов к историкам эпохи реставрации было специфическим. Их привлекал к Тьерри и Гизо антифеодальный демократический пафос, глубокий интерес к истории народа, правам, фольклору. «Настоящая цель... истории, — говорит Тьерри, — состоит в обзоре судеб народов, а не судеб известных знаменитых людей»⁶. В трудах новейших историков писателей-декабристов привлекали не только новые демократические идеи, но и новая методология исторического позна-

пия, резкое осуждение рационализма. «В наше время, — говорит Тьерри, — нельзя писать историю в пользу одной идеи... этого не допускает век наш. Он требует, чтобы ему рассказано было все о существовании народов в разные эпохи...»⁷, чтобы под пером историка оживились быт, нравы, народная поэзия и предания. Так же как и Гердер, вслед за Гердером, Тьерри и Гизо утверждают, что искусство не является привилегией господствующих классов. Очень остро был поставлен вопрос о самоценности поэзии каждого народа. Нет единого идеала прекрасного, не только античность, но и Восток и Север и славянские народы дали несравненные образцы искусства. Отсюда необычайный интерес к творчеству и национальных народов как важнейшему слагаемому культурно-исторического процесса.

Гердер сопровождает Кюхельбекера на протяжении всей его жизни. Еще в 1820 г. знаменитый немецкий просветитель называется рядом с теми великими немцами, которые воскресили «язык прадедов своих» (с. 27). Первое литературное произведение Кюхельбекера в Сибири — переложение притчи Гердера «Венец небесный» — прославление труда земледельца. Именно здесь, в Сибири, он проявляет интерес к жизни и быту населяющих Сибирь народностей. В перечне своих основных сочинений, посланном в 1845 г. В. А. Жуковскому, он называет статьи из серии «Жигели Сибири, Забайкалья и Закаменья». Очевидно, это — влияние его сибирской жизни и в определенной мере теории «органического развития» Гердера. Центральный труд Гердера — «Идеи к философии истории человечества» — высоко оценен Кюхельбекером: «великий творец превосходных „Jdeen“» (с. 299).

Целая в 1834 г. выписки из заинтересовавшей его статьи В. Г. Плаксина «Взгляд на состояние русской словесности» («Сын отечества», 1829), Кюхельбекер выделяет мысль автора о национальных источниках и оттенках романтизма: «...самый богатый источник народной поэзии — отечественные, баснословные и полубаснословные сказания» (с. 711), когда творения ума носят печать века, народности, личности.

Огромный интерес декабристов к фольклору, этнографии, правам и обычаям народа не только проявился в их собственном творчестве, но и оказал значительное влияние на романтическую поэзию и прозу Сибири. Известна творческая связь Бестужева и Кюхельбекера с Ф. Бальдауфом, Н. Бобылевым, Н. Щукиным, П. Ершовым, И. Калашниковым и другими литераторами-сибиряками. Так, сибирский писатель-краевед Н. С. Щукин, будучи в Якутске, в марте 1829 г. оставил интересный очерк «Александр Бестужев в Якутске».

С уважением говорит писатель-сибиряк о глубоких исторических познаниях Бестужева, стремящегося, как он думает, понять «человеческий смысл истории». Это чрезвычайно интересное и точное суждение, так как именно нравственный потенциал истории занимал литераторов-декабристов. Вслед за историками эпохи реставрации Бестужев и Кюхельбекер видят смысл исторического процесса в нравственном совершенствовании человечества. В этом же, по мнению критиков и теоретиков романтизма, был смысл исторического развития искусства, заключающийся в росте его человеческой сущности, духовного начала. То есть главная идея истории — идея развития — логично переносилась на художественное творчество, на эволюцию эстетического сознания и художественного изображения характера человека. «С обновлением мира,— делает запись из статьи В. Плаксына Кюхельбекер,— должно обновиться выражение душевных движений, всегда согласных с возбуждающими их предметами... с обновлением идей должны измениться и формы...» (с. 711). Здесь уже явно проступают черты историзма, в чем Кюхельбекер, как представляется, идет дальше Бестужева. Отчасти из-за большей диалектичности своего мышления, отчасти из-за того, что дольше прожил.

Таким образом, четко выраженная в статьях Бестужева и Кюхельбекера идея истории, идея развития и усиливающаяся тенденция к объективности — все это было тем новым, что проявилось в эстетике 30-х гг., отразилось на их последекабристском творчестве и определенным образом повлияло на сибирскую литературную мысль.

Центральным и наиболее актуальным вопросом декабристской эстетики является проблема личности. Разрабатываемая декабристами в ссылке литературная теория романтизма была непосредственно связана с вопросами общественной деятельности личности в экстремальных условиях каторги и ссылки. Этим можно объяснить большую заинтересованность сосланных декабристов проблемами романтизма именно в период ссылки.

Письма Бестужева к родным, дневник и письма Кюхельбекера буквально пронизывает по-разному формулируемое ими горячее стремление разобраться, наконец, в сущности романтизма. «Все толкуют, все превозносят романтизм,— пишет Бестужев из Якутска,— и никто еще не дал себе труда спросить, что это за зверь»⁸. В феврале 1828 г. он уже обещает сестре «привести свои мысли в дело». 9 марта 1829 г. он сообщает тому же адресату: «Теперь направил свое перо на романтизм и, кажется, нашел проход, разделяющий два

материка классиков и романтических»⁹. Свое рассуждение «О романтизме» Бестужев решил предпослать новому задуманному им в Якутске альманаху, что само по себе свидетельствовало о программном характере статьи. Не менее важна проблема романтизма для ссыльного Кюхельбекера. От 8 февраля 1834 г. он делает большую и очень емкую по смыслу запись в дневнике — рассуждение о статье В. К. Бриммера «Об истинном и ложном романтизме» (с. 296). Он разделяет мысль автора о том, что в отличие от древних (Гомера, Софокла) современная романтическая литература занята философией внутреннего мира, сложностью характера человека, разложением души, она адресована человеку мыслящему и действующему. Прочный и неиссякаемый интерес к проблеме романтизма объясняется тем, что здесь складывалась программа деятельности человека в труднейших обстоятельствах. Для декабристов это была жизненно важная проблема.

Философия искусства у декабристов формировалась с учетом многих достижений философско-эстетической мысли Европы. Бестужев и Кюхельбекер исследуют Шеллинга¹⁰, Гете, Шиллера. Усиление интереса к западно-европейской идеалистической философии и эстетике было обусловлено стремлением выйти из духовного кризиса и найти наиболее целесообразную форму дееспособности.

Особенный взлет интереса к Шеллингу относится у Кюхельбекера к середине 30-х гг. Так, в дневнике от 21 октября 1834 г. ссыльный декабрист пишет: «Чтоб иметь дельное занятие, принялся я за Шеллинга... (Речь идет, по всей видимости, о «Философских письмах о догматизме и критицизме». — Ф. К.). — Идеи в нем высокие, ясные и в то же время восторженные» (с. 340). В связи с Шеллингом Кюхельбекер излагает в феврале 1835 г. свою философию самопознания. «Что такое Я, если оно не есть ощущение своей личности, познание своего бытия, уверенности в своем существовании; а это ощущение, познание или уверенность что же, когда не самопознание? Я и жизнь, по-моему, одно и то же. Бесконечное Я... не мертво, а самодеятельно, живо, т. е. знает себя, ведает о своем существовании» (с. 357). А через месяц Кюхельбекер начинает свое повторное изучение программного труда Шеллинга «Исследования о существе человеческой свободы». «Какая глубина и вместе какая ясность! Преклоняю колени пред великим мыслителем... Целый день читал я Шеллинга. Необыкновенно великий человек! ... Постараюсь отдать себе отчет во всей его системе» (с. 358).

Поставив перед личностью огромные общественные задачи, русские романтики 30-х гг. должны были глубоко про-

никнуть в философскую сущность человека. Вопросы о смысле и назначении человека, о мере ответственности за все происходящее, об истинных и ложных убеждениях человека — эти и многие другие вопросы, связанные с проблемой личности, вбирает в себя эстетика и критика декабристов-романтиков. Две важнейшие мысли Шеллинга берут у него Бестужев, Кюхельбекер и другие передовые русские люди 30-х гг.: это идея самопознания и развития и мысль о свободе субъекта, чья деятельность должна была бы решительно противопоставить себя «антагонизму сил». Критерий свободы и необходимости положен в основу бестужевского понимания исторического развития. Особенно это проявилось уже в следующей статье Бестужева, написанной на Кавказе, — «О романе Н. Полевого „Клятва при гробе Господнем“». «По духу и сущности, — пишет Бестужев, — есть только две литературы. Это литература до христианства и литература со времен христианства. Я назвал бы первую литературой судьбы, вторую литературой воли. В первой преобладают... вещественные образы, во второй царствует душа, побеждают мысли». Мысль же, думает Бестужев, «тогда только истинна», когда она «деятельна»¹¹. Это уже настойчиво звучит в исследованиях сосланного декабриста якутского периода. В статье «О романтизме» Бестужев специально выделяет проблему диалектики мысли и действия. «Что такое воля, как не мысль, переходящая в дело? Существо, одаренное мыслью, стремится чувствовать, познавать, действовать»¹². Эти убеждения во многом разделял Кюхельбекер, человек иного психологического склада. Стремясь разобраться в истинном и ложном романтизме, критик-декабрист говорит, что литература древних «заставляла нас трепетать перед неизбежностью рока». Фатализм древних снимал проблему внутреннего мира, свободы, суверенности личности.

Мысль о свободе человеческого духа — главное, что волнует Кюхельбекера. Еще в 1832 г., читая книгу А. Галича «Опыт науки изящного», писатель-декабрист делает важное для себя резюме: «...воля творит, производит, есть причина действий мыслящего существа...» (с. 108).

В письмах и дневниках 30-х гг. писатели и критики-декабристы много размышляли о том, что прогрессивная в своей основе идея об исторической обусловленности человеческого бытия и о закономерном развитии человечества в целом не может успокоить деятельную натуру, снять с нее ответственность за происходящее вокруг него зло. В письме к Н. Полевому от 23 апреля 1831 г. Бестужев достаточно глубоко и диалектично ставит вопрос об исторической не-

обходимости и свободе деятельности человека. «Человечество, — пишет он, — есть великая мысль, принадлежащая собственно нашему веку, она утешительна. Быть убежденным, что если один народ коснеет в варварстве, если другой отброшен в невежество, зато десять других идут впереди по пути просвещения... это льет бальзам в ... душу честного человека, утешает гражданина, обиженного обществом. Но все это лишь в отношении к будущему, которое не должно и не может уничтожить настоящих обязанностей человека». И далее — уже прямой выпад против фатализма, являющегося прямым следствием метафизического созерцательного детерминизма: «Вот почему я был горячим ненавистником немецкого космополитизма, убивающего всякое благородное чувство отечественной народности. *Lassen sie es gehen und unfergehen* — прелестное правило: оно во сто крат хуже турецкого фатализма. «Провидение знает, когда и как лучше сделать хорошее или истребить дурное», — говорят они, — следственно, все когда-нибудь и без нас будет лучше или улучшится несмотря на нас...»¹³ Осуждение фатализма характерно для Бестужева на протяжении всей его жизни, особенно в 30-е гг., когда проблема поведения человека в экстремальных условиях российской действительности приобретает колоссальное значение. Так, о судьбе и сложности отношения к ней человека рассуждают герои «Вечера на кавказских водах...», «Фрегат Надежда», «Аммалат-Бека», произведений, высоко оцененных Кюхельбекером. «Кто кует судьбу, как не мы сами, наш ум, наши страсти, наша воля... вот планета нашего счастья... Не поклонюсь я этому слепому истукану, воздвигнутому на костях человеческих, не устрашусь призрака... которому верят слабодушные для того, что в них нет решительности действовать самим»¹⁴, — говорят герои Бестужева. Здесь прямое осуждение фатализма, его общественного и нравственно-философского вреда.

Нужно полагать, что приведенные мысли Бестужева были близки Кюхельбекеру. Он следил за его каждым новым произведением. О первой последекабристской повести Бестужева «Испытание» он пишет: «...сколько жизни, ума, движения и чувства, что, без малейшего сомнения, ее должно причислить к лучшим повестям на нашем языке. Автора я, кажется, угадал...» (с. 295). О «Страшном гадании», «Аммалат-Беке», «Фрегате Надежда» — произведениях, в которых проблема свободы и необходимости ставится обнаженно остро, — Кюхельбекер пишет в июне 1835 г.: «великий талант», «Аммалат-Бек» — «...чуть ли не лучшее сочинение Марлинского» (с. 308). «Повесть „Фрегат Надежда“ из лучших сочинений

Марлинского... человека высокого таланта: дай бог ему обстоятельств благоприятных! У нас мало людей, которые могли бы поспорить с ним о первенстве» (с. 363, 364). Здесь, конечно, и преувеличение, и солидарность, и родственность духа, общность интересов. В романтизме Бестужева Кюхельбекеру был дорог пафос негибимой воли, образ деятельного героя.

Дневник, поздние произведения и письма Кюхельбекера — это глубокое раздумье над смыслом человеческой жизни и одновременно (несмотря ни на что!) гимн человеческой стойкости. Кюхельбекер, впитавший в себя еще со времени «Мнемозины» шеллингианскую мысль о поэзии как высшем проявлении духовного действования, именно через эту призму смотрел на свое призвание поэта. Подводя итоги своей исполненной драматизма жизни, он писал: «...поэтом же надеюсь остаться до самой минуты смерти, и, признаюсь, если бы я, отказавшись от поэзии, мог купить этим отречением свободу, знатность, богатство, даю тебе слово честного человека, я бы не поколебался: горесть, неволя, бедность с поэзией я предпочел бы счастью без нее»¹⁵.

В эпоху дегероизации личности Кюхельбекер, так же как и Бестужев, отстаивал сильного героя, поднявшегося над обстоятельствами. С «этих позиций» он высоко ценит «Маскарад» Лермонтова, считает его в нравственном отношении выше «Героя нашего времени», преклоняется перед Шекспиром и Гете, к которым подходит с меркой романтизма.

Таким образом, в фокусе общественных и эстетических воззрений ссыльных декабристов — проблема человека, его нравственных возможностей, духовной силы. Все это было актуально для эпохи реакции и имело прямой выход в жизнь.

Не только критика, эстетика и художественное творчество сосланных декабристов-литераторов, но и их личность оказывали значительное воздействие на писателей-сибиряков. Н. С. Щукин в приведенном выше очерке о Бестужеве-Марлинском в Якутске говорит о необыкновенной жизнедеятельности писателя, который увлеченно рассказывал о своих научных занятиях и на вопрос автора, не скучает ли он в Якутске, отвечал: «Скука неразлучна с праздностью, а я целый день занят»¹⁶. Здесь как бы материализовался тезис о высшей духовной деятельности человека.

Известно влияние Кюхельбекера, Пущина, Фонвизина на судьбу, в том числе и литературную, Петра Ершова. Приезд в Тобольск в 1836 г. большой группы декабристов, постоянные беседы, совместное чтение и обсуждение проблем

решительно повлияли на писателя, пережившего творческий кризис. Думается, что на замысел «Осенних вечеров» со сложной системой рассказчиков, с помощью чего достигалась в определенной мере диалектичность представлений о жизни, оказали воздействие произведения Бестужева и Кюхельбекера. Можно полагать, что личность героя-дея-теля, отрицавшего фаталистические теории, повлияла на исторический роман Сибири. Интересна с этой точки зрения тема осуждения шаманства в романе И. Калашникова «Дочь купца Жолобова». Кюхельбекер следил за развитием сибирской литературы. Он высоко оценил стихи Ф. Бальдауфа (с. 378), внимательно прочел романы И. Калашникова. «Дочь купца Жолобова», да и «Камчадалку», оценил положительно (с. 402).

Значительный интерес представляют собой историко-литературные взгляды декабристов сибирского периода. Очень показательна эволюция понимания ими русского литературного процесса. Общее развитие декабристской критики преимущественно от общественно-политических к нравственно-философским проблемам человековедения сказалось на переоценке многих явлений истории русской литературы. Дневники Кюхельбекера 30-х гг., особенно второй их половины, обращены к выяснению нравственно-психологического и философского потенциала искусства. Отсюда бросающаяся в глаза переоценка Карамзина, Жуковского и Пушкина.

Следует отметить, что переоценка Карамзина шла в общем русле русского литературного развития в 30—40-е гг., когда литература подошла вплотную к исследованию темы «маленького человека», демократического героя, к поэтизации «обыкновенного», с одной стороны, и утверждению суверенности человеческой личности — с другой. Возросший интерес к Карамзину, жанрово-стилевое воздействие сентиментализма — общерусское явление. Отсюда становится понятным желание Кюхельбекера вернуться «к старику своему Карамзину» (с. 333) и осмыслить историко-литературное значение русского сентиментализма: «Племяннице посылаю я целую диссертацию о Карамзине» (с. 188). В своих оценках Карамзина Кюхельбекер исходит из факта творческой эволюции автора «Бедной Лизы». Истинный талант (с. 152, 159) отмечает он в «Рыцаре нашего времени» и «Марфе Посаднице» (с. 155), наиболее зрелых произведениях Карамзина, стоящих в преддверии русского психологического романа. Однако высшее достижение Карамзина-прозаика Кюхельбекер отмечает в «Истории государства Российского». Прочитав

в «Сыне отечества» за 1818 г. отрывок из «Истории...» Карамзина «Осада и взятие Казани», Кюхельбекер отмечает: «...Прозою у нас никто лучше его не пишет и не писал». И далее: «...написан мастерски, и Пушкин очень справедливо сказал, что в этой прозе гораздо более поэзии, чем в поэме Хераскова» (с. 268). Фронтальное изучение «Истории...» Карамзина относится к 1833—1834 гг. Цени этот труд как образец художественной прозы, Кюхельбекер далеко не во всем согласен с историческими интерпретациями Карамзина: «IX том „Истории государства Российского“, — пишет он, — лучшее творение Карамзина: жаль только, что кое-где заметны натяжки и желание блеснуть» (с. 332); «Несправедливость Карамзина к Шуйскому истинно возмутительна» (с. 334); «Есть у него выходки, которые, как ни крепись, а невольно заставляют рассмеяться...» (с. 274). Однако именно под влиянием чтения «Истории...» Карамзина возникает у Кюхельбекера замысел «Ляпунова» (с. 334, 335). Более всего Кюхельбекера (так же как и Бестужева) волнует нравственный смысл истории. Так, в высоко оцененном им девятом томе «Истории» (с. 354) он отмечает мысль «глубины ужасной». «Есть, — говорит историограф, — кажется, предел во зле, за коим уже нет истинного раскаяния, нет свободного, решительного возврата к добру: есть только мука, начало адской, без надежды и перемены сердца» (с. 333).

Эволюция историко-литературных воззрений Кюхельбекера отразилась и на его отношении к Жуковскому. Вместо резкой критики поэта в середине 20-х гг. (см., например, статью 1824 г. «О направлении нашей поэзии») — весьма положительная оценка творчества Жуковского, произведения которого ссыльный Кюхельбекер читает и перечитывает (см. записи в Дневнике 1832—1840 гг., с. 203, 265, 275, 277, 390, 392 и др.). Принимая в принципе поэзию Жуковского, высоко ценя в нем искусство поэта-переводчика, критик-декабрист явно выделяет произведения двух родов. Это, во-первых, баллады и повести Жуковского, претерпевшие определенную эволюцию (от 10-х к 20-м гг.), в которых на первый план выступает идея активности человека в его единоборстве с судьбой. С этой точки зрения интересен отзыв Кюхельбекера о «Лепоре» (1831 г.) — о новом переводе Жуковским известного произведения Бюргера, в котором центральное место занимает тема судьбы, что означало для Жуковского проблему выбора жизненного пути. Уместно напомнить, что именно к моменту выхода «Баллад и повестей» (1831 г.) Жуковский особенное внимание уделяет проблеме человек — обстоятельства. Причем, что очень важно, основой для обост-

рения этого интереса являлись раздумья поэта над судьбой декабристов, озабоченность их участью. Составляя для царя «Записку» о Н. Тургеневе, Жуковский пишет его брату, своему верному другу А. И. Тургеневу: «Обстоятельств не переменить... Что же? Биться головой об стену? Уничтожить себя отчаяньем? Нет! Ум размышлению, сердце небу, судьбе презрению»¹⁷. Эти мысли, пронизывающие его «Баллады и повести», должны были импонировать опальному Кюхельбекеру.

Вторая особенность творчества Жуковского 20—30-х гг., привлекая внимание Кюхельбекера, — это усиление эпического начала в произведениях, поэтизация простой жизни, идеализация «маленького человека». Эти демократические и гуманистические тенденции поэзии Жуковского Кюхельбекер усмотрел прежде всего в переводах идиллий К. Ф. Геллея («Овсяный кисель», «Красный Карбункул»). «Овсяный кисель» — поэтическая идиллия земледельческого труда — воспринят Кюхельбекером как образец «истинной простоты»: «В этой пиесе мне все показалось прелестным, даже самый экзаметр...» (с. 267). Но особенно воодушевил Кюхельбекера «Красный Карбункул», который он «сряду перечел три раза и всякий раз с новым наслаждением» (с. 391). Здесь привлекали Кюхельбекера поэтизация простых людей, народного быта и убедительное противопоставление народной морали, совести, добра индивидуализму и злу.

Во многом по-новому воспринимает Кюхельбекер (и отчасти А. Бестужев) зрелое пушкинское творчество. Огромная роль Пушкина в духовной жизни ссыльных декабристов с особенной силой сказалась на судьбе осужденного Кюхельбекера. Связь Пушкина и Кюхельбекера, по существу, не прерывалась до самой гибели великого поэта. Через родственников и непосредственно «испросив разрешения у начальства»¹⁸, Пушкин посылает Кюхельбекеру свои сочинения и книги по русской истории¹⁹. Девять томов его сочинений побывали у Кюхельбекера в Свеаборгской крепости²⁰. «Книги, которые посылал ты ко мне, — писал Кюхельбекер в феврале 1836 г. из Баргузина, — во всех отношениях мне драгоценны»²¹. По всей видимости, Пушкин в одном из последних писем приглашал автора «Нижорского» сотрудничать в «Современнике», что естественно обрадовало Кюхельбекера. «Участвовать в твоём журнале я рад»²².

Письма и дневники Кюхельбекера переполнены суждениями, раздумьями о Пушкине. В оценках Пушкина 30-х гг. появились новые акценты, на которых в достаточной мере сказалась эволюция эстетических воззрений ссыльного де-

кабриста (с. 635—637). Кюхельбекер обращает внимание на возросший демократизм, народность, новый тип героя в произведениях Пушкина, а также усиление их драматизма. Поэтому он решительно не принимает утверждения некоторых недальновидных журналистов о «падении таланта» Пушкина. Так, прочитав в «Библиотеке „для чтения“» за 1834 г. (№ 1) стихотворение «Гусар», Кюхельбекер пишет племянникам от 18 октября 1834 г.: «По моему мнению, журналисты с ума сошли, когда было начали нас уверять, будто бы Пушкин остановился, даже подался назад. В этом «Гусаре» гетевская зрелость таланта. Если Полевые этого не чувствуют, тем хуже для них»²³. Объективно-сказовая манера, простонародный герой, фольклорные мотивы — все это было близко Кюхельбекеру в «Гусаре». Пушкинская поэзия 30-х гг. для Кюхельбекера — это полный, разнообразный, роскошный «поэтический мир»²⁴. Восторженно воспринимается восьмая глава «Евгения Онегина», и не только в силу автобиографических (лицейских) мотивов, дорогих Кюхельбекеру. Высокая оценка главы, ее полное приятие объясняются, возможно, тем, что Кюхельбекеру стали доступнее народность и драматизм пушкинского произведения. Особый интерес вызывает у Кюхельбекера проза Пушкина, которую он начал читать в середине 30-х гг. (с. 335). Из «Повестей Белкина» он выделяет «Гробовщика» и «Станционного смотрителя». Поднимается эстетический уровень оценок, приобретает особый смысл жанрово-стилевой аспект анализа художественных произведений. С этой точки зрения лучшими произведениями Пушкина Кюхельбекер считает «Капитанскую дочку» и «Пиковую даму» — подлинные шедевры русской прозы.

В своих поздних оценках Пушкина и русской литературы 30—40-х гг. (прозорливость в отношении к Лермонтову и Белинскому, трезвая оценка писателей второго плана — Н. Кукольника, А. Тимофеева и др.) Кюхельбекер был в 30-е гг. диалектичнее Марлинского, который вошел в историю русской критики последекабристского периода в основном как яркий теоретик романтизма.

Таким образом, значение декабристской критики сибирского периода видится во взаимодействии следующих моментов.

1. Пропаганда тесной связи литературы с жизнью, историей, фольклором края (историзм, народность в романтической интерпретации).

2. Острота решения жизненных проблем, глубокая сопряженность эстетики и критики с коренными вопросами общественной и гражданской деятельности человека.

3. Утверждение высокого научного профессионального уровня: декабристская литературная критика вбирает в себя лучшие достижения гуманитарной науки своего времени.

4. Общепросветительская роль декабристов — их тесные контакты со многими писателями Сибири — несомненно подняла общий уровень литературной деятельности края, способствовала росту ее профессионального и общественного значения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Семовский М. И.* Александр Бестужев в Якутске // *Русский вестник*. — 1870. — № 5. — С. 202—256; *Тарасов Е.* Якутская ссылка Бестужева // *Декабристы на каторге и в ссылке*. — М., 1925; *Прохоров Г. Ф. А. А. Бестужев-Марлинский в Якутске // Памяти декабристов*. Сб. материалов. — Л., 1926. — Вып. 2. — С. 189—227; *Богданова А. А.* Творчество Бестужева-Марлинского в Сибири // *Учел. зап. НГПИ*. — 1946. — Вып. 5. — С. 40—65; *Канунова Ф. З.* Сибирский период литературно-критической деятельности А. А. Бестужева-Марлинского // *Литературная критика в Сибири*. — Новосибирск, 1988. — С. 56—73; *Королева Н. В., Рах В. Д.* Личность и литературная позиция Кюхельбекера // *Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи*. — Л., 1979.

² *Архив ИРЛИ*, ф. 604, № 12.

³ *Архив ИРЛИ*, ф. 265, оп. 2, № 2079.

⁴ *Русский вестник*. — 1870. — № 7. — С. 58.

⁵ *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. — Л., 1979. — С. 300. В дальнейшем ссылка на это издание в тексте.

⁶ *Тьерри О.* История завоевания Англии норманами. — Спб., 1868. — Т. III. — С. 299.

⁷ Там же. — С. 5.

⁸ *Памяти декабристов...* — Л., 1926. — Вып. I. — С. 26.

⁹ Там же. Вып. II. — С. 199, 202, 205.

¹⁰ См.: *Канунова Ф. З.* Эстетика русской романтической повести. — Томск, 1973. — С. 127—129. Что же касается Кюхельбекера, то, начиная с «Мнемозины» (1824), он пронес интерес к Шеллингу через всю свою жизнь (см. многочисленные записи в дневнике: с. 108, 201, 204, 231, 301, 346, 347, 449 и др.).

¹¹ *Марлинский А.* Второе полн. собр. соч. — Спб., 1847. — Т. 4, ч. 11. — С. 147.

¹² *Бестужев А.* О романтизме // *Избранные социально-политические и философские сочинения декабристов*. — М., 1951. — Т. 1. — С. 481.

¹³ *Русский вестник*. — 1861. — № 3. — С. 297 (сверсно с рукописью. — *Архив ГПБ*, ф. 69, № 9).

¹⁴ *Марлинский А.* Второе полн. собр. соч. — Т. 4. — Ч. 12. — С. 54.

¹⁵ *Декабристы и их время*. — М.; Л., 1951. — С. 47.

¹⁶ *ЦГИА*, ф. 776, оп. 3, № 722, л. 13.

¹⁷ *Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу*. — М., 1895. — С. 226.

¹⁸ *Пушкин. Письма последних лет (1834—1837)*. — Л., 1969. — С. 45.

- ¹⁹ *Переписка А. С. Пушкина.* — М., 1982. — С. 245—246.
²⁰ *Тынянов Ю. Н. В. К. Кюхельбекер // В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэзия.* — Л., 1939. — С. 52.
²¹ *Переписка А. С. Пушкина.* — С. 245.
²² Там же. — С. 249.
²³ См.: *Декабристы. Летописи.* — М., 1938. — Кн. 3. — С. 182.
²⁴ Там же.
-

М. Д. СЕРГЕЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА В ЗАПИСКАХ, ПИСЬМАХ И ДНЕВНИКАХ ДЕКАБРИСТОВ

Литературная критика — явление общественное. Лишь на первый взгляд может показаться неправомерной постановка вопроса об исследовании записок, дневников, а особенно — писем декабристов в качестве источников, раскрывающих литературный процесс, дающих оценку творчеству писателей — их современников, показывающих вмешательство в движение литературы. В действительности же и само положение «государственных преступников», вынужденных отправлять свои бумаги открытыми для глаз государственных и почтовых чиновников, и ореол, которым окружены судьбы декабристов для их близких и друзей, да и для широких кругов интеллигенции художественной, — все это превращает эпистолярное наследие опальных в общественное действие. Особенно это примечательно для писем, вокруг которых возникает «Феномен Лунина»: их читают сперва чиновники генерал-губернаторской канцелярии Tobольска, Иркутска, Омска, комендант Черчинских рудников, а стало быть, и его семья, затем — почтовые чиновники всей Сибири, а там и Петербурга. И когда, наконец, исписанные коричневыми орешковыми чернилами листки попадают к адресатам, то и здесь их читают всей семьей, дают познакомиться друзьям, переписывают и рассылают во все концы России родственникам (не случайно в архивах многие письма мы находим в копиях). Феномен Лунина, или эффект Лунина, ставит знак равенства между письмом, несущим политическую информацию, и прокламацией, делая письмо декабриста явлением общественным.